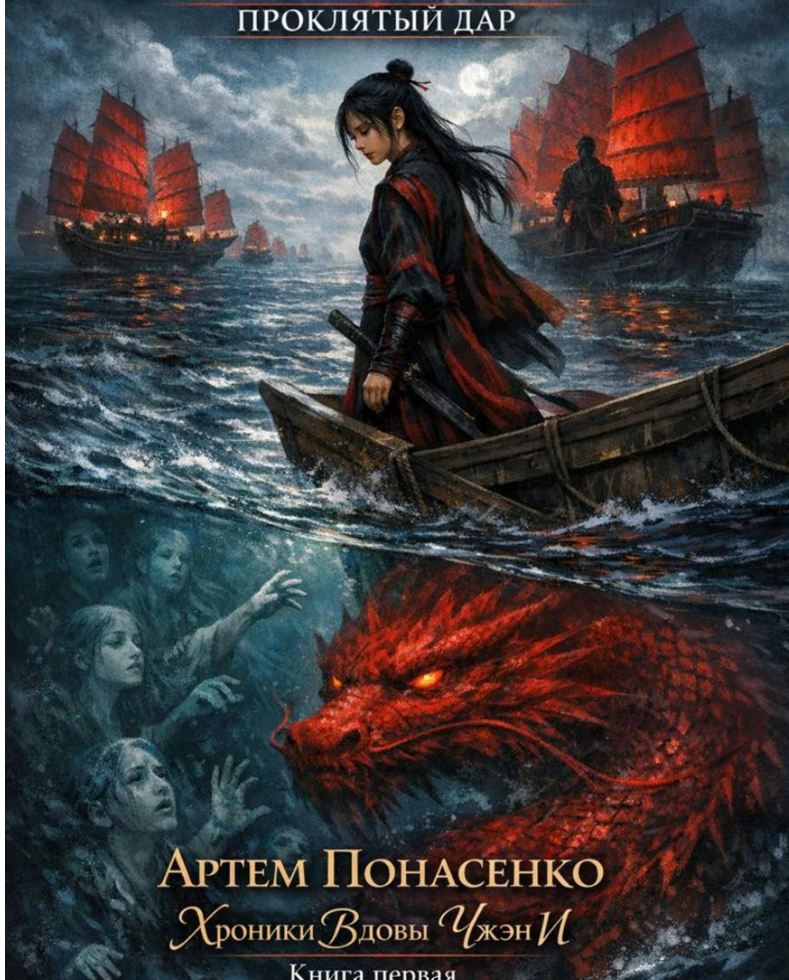

ДОГОВОР с КРАСНЫМ ДРАКОНОМ

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР

АРТЕМ ПОНАСЕНКО
Хроники Вдовы Чжэн И

Книга первая

Арте́м Понасе́нко

ДОГОВОР С КРАСНЫМ ДРАКОНОМ: ПРОКЛЯТЫЙ ДАР (Книга 1). Цикл: Хроники Вдовы Чжэн И

*<https://litres.ru/74084581>
Self Pub; 2026*

Аннотация

ЕЁ ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ ТАМ, ГДЕ ДРУГИЕ ОБРЫВАЮТСЯ — НА ГРАНИ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ, МЕЖДУ ВОЛЕЙ И РОКОМ. КНИГА I: ПРОКЛЯТЫЙ ДАР. Её история началась с девочки, видевшей призраков в волнах. Проданная в бордель и обречённая на позор, она нашла силу в своём проклятии. И когда могущественный пират Чжэн И предложил ей союз, скреплённый не клятвами, а смешением крови с песком, она подписала Договор, ещё не зная, что вторую подпись под ним уже поставил Красный Дракон, спящий в пучине. Это сага о том, как проклятие становится силой, сила — одержимостью, а любовь — последней ставкой в игре с демоном. История Вдовы Чжэн И — это и есть ДОГОВОР С КРАСНЫМ ДРАКОНОМ.

Артем Понасенко

ДОГОВОР С КРАСНЫМ

ДРАКОНОМ:

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР

(Книга 1). Цикл:

Хроники Вдовы Чжэн И

Артем Понасенко

ДОГОВОР С КРАСНЫМ ДРАКОНОМ

Цикл: Хроники Вдовы Чжэн И

Часть I: ПРОКЛЯТЫЙ ДАР (1775-1801)

Глава 1. Тени в волнах

Вода не была для неё стихией. Вода была всем. Она была колыбелью и пищей, путём и преградой, домом и могилой. Она входила в сознание Сянгу с первым вздохом, когда солёные брызги с волн, подхваченные яростным ветром, брызнули на её личико новорождённого, заставив сморщиться и издать тот первый крик, что потонул в ропоте прибоя.

С самого первого крика, подхваченного солёным ветром Южно-Китайского моря, Сянгу дышала не воздухом, а испарениями влаги, смешанными с запахом гниющей рыбы, вы-

брошенными водорослями и едким дымом от печек на соседних лодках. Этот запах был её первым воспоминанием и её вечным спутником. Он пропитывал одежду, кожу, волосы, проникал в сны. Это был запах жизни её народа, танка, «людей в лодках» — запах выживания на самой грани, на стыке двух миров, ни одному из которых они не принадлежали до конца.

Её мир имел жёсткие границы: нос, корма, скрипучий борт, и снова нос. Три циновки из спрессованного тростника, горшок для нужд, очаг из обмазанной глиной железной чаши — вот и вся вселенная семьи Ши на их джонке «Утренняя чайка», которой уже лет пятьдесят, если не больше. Эта лодка была всем: и крепостью, и тюрьмой, и кормилицей. Каждая доска на её палубе, прогнувшаяся от бесчисленных шагов, каждый след от каната на леерах были частью семейной истории. Здесь родился её отец, Ши Лю. Здесь же умерли его родители, завернутые в циновки и спущенные в вечно жадные волны. Здесь родилась она и её братья. Здесь, вероятно, и закончится их род, растворившись в солёной пучине, как и сотни других родов танка.

Пространство было столь тесным, что незнание языка тела друг друга было немыслимо. Сянгу с младенчества училась считывать настроение отца по тому, как он перебирает пальцами высохшую леску; понимала степень усталости матери, Вэй, по звуку, с которым та опускала тяжёлый чугунный котел на очаг; угадывала тайные мысли старшего брата Цзяня

по тому, как он слишком старательно чистил весло, избегая встречных взглядов. Их жизнь была сплетена воедино, как волокна пенькового каната — жёстко, прочно, неразрывно. И эта связанность была одновременно и опорой, и бременем. Нельзя было укрыться, нельзя было побыть одному, нельзя было иметь тайну.

Но у Сянгу была тайна. Большая, страшная, чуждая этому миру шумной суеты, рыбьей чешуи и вечного страха перед завтрашним днём.

*

Сянгу было пять лет, когда она впервые поняла, что видит то, чего не видят другие.

Это случилось в сезон тайфунов, когда само море, казалось, сходит с ума от бессильной ярости, пытаясь стряхнуть со своей спины жалких, назойливых букашек — человеческие лодки. Небо потемнело за час, превратившись из лазурного в свинцово-серое, а потом в чёрное, как чернила каракатицы. Воздух стал густым, тяжёлым, им было трудно дышать. Давление падало, отчего в ушах стоял звон, а в висках пульсировала тупая боль. Ветер завывал в снастях, и сотни лодок народа танка, скученных в защищённой бухте у берегов Гуандуна, метались на якорях, словно испуганные животные, бьющиеся о прутья невидимой клетки. Грохот волн, бьющих в борта, крики людей, пытающихся перекрычать бурю, скрип растяжек, лязг якорных цепей — всё это слилось в оглушительную какофонию конца света.

Отец, Ши Лю, и старший брат, Ши Цзянь, сражались с парусом, пытаясь укрепить его дополнительными верёвками. Их лица, обычно скучные и усталые, теперь были искажены сосредоточенным усилием и страхом. Каждый знал историю о целом семействе, чью лодку перевернуло и разбило о скалы в такую же ночь десять лет назад. Их призраки, как говорили старики, до сих пор воют в шторм, пытаясь предупредить живых. Мать, Вэй, прижимала к груди младшего, трёхлетнего Ши Тао, который плакал, испуганный грохотом и всеобщей паникой. Лицо Вэй было жёлтым от страха, но руки её держали сына с железной, почти болезненной силой — сила отчаяния, последний оплот перед хаосом.

Сянгу сидела под узким навесом из бамбуковых циновок, прикрывавшим часть палубы от дождя, и смотрела, как волны закидывают на борт пену. Её не столько пугал шторм, сколько завораживал. В этой ярости была какая-то пугающая красота, первобытная мощь, перед которой меркли все человеческие страхи. И тогда она увидела их.

Сначала это были просто сгустки тумана, поднимающиеся из кипящей воды, странные завихрения в брызгах пены. Но затем туман начал обретать форму. Человеческую. Процесс был жутким: бесформенная масса вдруг вытягивалась, уплотнялась, проявляя контуры головы, плеч, рук. Вот мужчина с длинной косой, обмотанной вокруг шеи, его рот был открыт в беззвучном крике, глаза выпучены от ужаса последнего вдоха. Вот женщина, прижимающая к пустой, прозрач-

ной груди свёрток, из которого тянулись такие же прозрачные, крошечные ручонки. Вот старик, чьё тело было переломано в неестественных местах — нога вывернута назад, спина согнута под немыслимым углом. Он качался на волнах, как обломок мачты, и его беззубый рот что-то беззвучно шептал.

Они не приближались к лодкам, но и не отдалялись. Они просто были там, в самой гуще разбушевавшейся стихии, часть её ярости и её скорби. Они не пытались спастись, не звали на помощь. Они просто... присутствовали. И от этого присутствия становилось не по себе. Сянгу почувствовала не страх, а острую, режущую жалость. Им было холодно. Не холодом воды, а каким-то иным, внутренним холодом пустоты. Им было одиноко так, как не может быть одиноко ни одному живому существу. Они хотели, чтобы их кто-то увидел. Услышал. Вспомнил.

— Мама, — тихо сказала Сянгу, не отрывая взгляда от женщины со свёртком. Ей хотелось утешить эту тётю, сказать, что с её малышом всё будет хорошо, хотя она и понимала, что это неправда. — Кто эта тётя с ребёнком? Почему она плачет?

Вэй, вся в борьбе за то, чтобы удержать ползущего из рук Ши Тао, резко обернулась. Её глаза, обычно потухшие от усталости, метнули искру раздражения и тревоги.

— Какая тётя? Никакой тёти нет. Сиди тихо и не выдумывай! В такую погоду и своих мыслей достаточно!

— Но она там, — настаивала девочка, её детский ум ещё не понимал, что некоторые вещи лучше не замечать. Она указала пальцем в самую сердцевину шторма, туда, где волны с рёвом бились о скалы невидимого с лодки рифа. — Вон там. Она зовёт кого-то... Минь... Минь...

Имя, сорвавшееся с её губ, было чужим. Но оно пришло к ней, как приходит запах грозы — внезапно и явственно, вложенное в её сознание самой этой бледной, плачущей фигурой. Это было имя то ли мужа, то ли сына, то ли того самого ребёнка в свёртке — последний крик души, отпечатавшийся в морской пене.

Мать замерла. Вся кровь, казалось, отхлынула от её лица, оставив его землисто-серым. Её глаза, обычно уставшие и потухшие, расширились от чистого, животного, нерассуждающего ужаса. Она бросила взгляд в указанном дочерью направлении, увидела лишь стену дождя, чёрную воду и белую пену, и резко, со всей силы, шлёпнула Сянгу по губам.

— Молчи! — прошипела она так громко, что даже заглушила на мгновение вой ветра. — Никогда не произноси имён, которые приходят из воды! Никогда! Это не твоё дело! Это морские черти, лу тин! Они слышат, и тогда они придут за тобой! За тобой и за нами всеми! Заткнись и не смотри туда!

Боль от удара была острой и жгучей, губа тут же распухла, на языке появился вкус крови. Но страшнее была не боль, а тот первобытный ужас, что исказил лицо матери. Сянгу

притихла, закусив распухшую губу, и слёзы, подступившие к глазам, были больше от обиды и непонимания, чем от физической боли. Она больше не сказала ни слова, но и не могла отвести взгляд от теней. Они продолжали свой немой танец в такт ветру, их беззвучные крики сливались с воем бури, с рёвом волн и человеческими воплями в одну жуткую, всепоглощающую симфонию гибели. И странное дело — видя ужас матери, сама Сянгу не чувствовала страха перед этими существами. Только ту огромную, всепоглощающую печаль и то щемящее одиночество, которое от них исходило.

Шторм отступил к утру, как уставший зверь, оставив после себя картину опустошения: разбитые лодки, дрейфующие обломки, оборванные сети, выброшенных на палубу медуз и мелкую рыбу. Воздух был свеж и чист, будто вымыт. И появились два новых призрака в серых, промокших насквозь одеждах кантонских рыбаков, которые теперь медленно, бесцельно кружили над местом, где их джонка разбилась о подводные камни. Сянгу видела, как они пытались дотронуться до плавающих обломков, но их прозрачные руки проходили сквозь дерево, не оставляя следа. Она сидела, прижавшись спиной к каюте, и смотрела на них, пока мать не позвала завтракать — жидкую похлёбку из остатков вчерашней рыбы и горсть недоваренного риса. Вкус крови на губах смешался со вкусом соли и тоски.

С того дня она научилась молчать. Но не видеть — не могла.

Народ танка, «люди в лодках», даниацзя, как их презрительно называли ханьцы с берега, жили на обочине мира империи Цин, на самой грани между водой и сушей, между жизнью и небытием. Им запрещалось селиться на суше, получать образование, сдавать экзамены на чиновничью службу и вступать в браки с «настоящими» китайцами. Их предками, согласно ханьским легендам, считали то ли диких зверей, скрещённых с людьми, то ли морских змеев, то ли тех самых полурыб-полулюдей лу тин, о которых с такой ненавистью говорила её мать. Они были недолюдьми, отверженными, чьё существование терпели лишь потому, что они делали ту грязную, опасную и необходимую работу, которую не хотели делать другие: ловили рыбу, перевозили грузы, чистили сточные канавы в портах, хоронили неопознанных утопленников. Их мир был миром постоянного унижения. Взрослые учили детей не встречаться глазами с ханьцами на берегу, отступать с дороги, кланяться низко, но не слишком, чтобы не выглядеть насмешкой. Они были тенью на ярком солнце процветающей империи.

Сянгу росла, впитывая эту реальность, как губка впитывает солёную воду — незаметно, но неотвратно, так, что соль эта проникала в самую сердцевину костей. Она видела, как отец возвращается после дней изнурительного труда с пустыми сетями, его спина сгорблена не от улова, а от безысходности. Видела, как сборщик налогов с берега, тол-

стый мужчина в поношенной, но всё ещё отличающей его от них одежде чиновника низшего ранга, с брезгливой миной ступал на их палубу (нарушая свой же закон, но кому какое дело?) и забирал последнюю медную монету и лучшую из пойманных рыб — если она была. Она видела, как мать часами, при тусклом свете масляной лампы, штопала продырявленные штормами паруса, а её пальцы, покрытые язвами от солёной воды и грубого пенькового каната, ловко снова-ли иглой, вплетая в ткань не только нить, но и тихое, бесконечное отчаяние. Отчаяние, которое никогда не выплёскивалось наружу, а копилось, как вода в трюме, которую нужно было постоянно вычерпывать, чтобы не утонуть.

И на фоне этого серого, тяжёлого мира живых существовал другой мир — мир теней. Для Сянгу он был не менее, а может, и более реален.

Они были частью пейзажа, как чайки или облака, но обитали в ином измерении. Одни — бледные, едва заметные, словно стёртые временем и водой, почти сливающиеся с туманом над водой. Другие — яркие, пугающе подробные, с лицами, искажёнными последним ужасом, с ранами, из которых всё ещё сочилась призрачная, фосфоресцирующая кровь. Они цеплялись за места своей гибели: за коварные подводные рифы, за мысы, где течения сталкивались, создавая смертельные водовороты, за остовы затонувших кораблей, которые Сянгу видела как туманные, колеблющиеся очертания на дне, похожие на скелеты гигантских рыб. Неко-

которые просто плыли по течению, уносимые невидимыми реками в океане вечности, без цели, без памяти, лишь с глухим остаточным чувством потерянности.

С годами Сянгу научилась не просто видеть, а чувствовать их. От «старых» теней веяло холодным покоем забвения. От «новых» — исходила волна невысказанной тоски, незавершённых дел, невыплаканных слёз, которая заставляла её собственное сердце сжиматься в комок. Она инстинктивно избегала мест скопления таких призраков — от них становилось физически плохо, начинала болеть голова, подступала тошнота.

А были... «другие». Не люди. Нечто большее, тёмное и древнее, поселившееся в глубине. Они редко показывались, предпочитая тёмные, бездонные впадины или заросшие тиной обломки старых судов. Но когда их силуэт мелькал в толще воды — огромный, неясный, сотканный из чёрного тумана и чего-то ещё, более плотного, — рыба уходила с этого места, вода чернела, словно вбирая в себя весь свет, и даже волны начинали струиться как-то иначе, неохотно, с ленцой. При их появлении Сянгу охватывал леденящий холод, не имеющий отношения к температуре воздуха, — холод абсолютной, бесчеловечной пустоты и голода. Эти существа не были печальны. Они были... пусты. И в этой пустоте таилась бесконечная, ненасытная жадность.

Однажды, когда их джонка, спасаясь от преследования патрульной лодки (отца заподозрили в уклонении от нало-

гов), проходила недалеко от скалистого, негостеприимного островка, известного как «Мельница душ», Сянгу увидела целое скопление теней. Их было десятки, если не сотни. Они толпились на узкой полоске берега, поднимались по скалам, простирая полупрозрачные руки к проходящим мимо лодкам. Их беззвучный хор был почти осязаем — тихий, назойливый гул отчаяния, похожий на жужжание мух над падалью. Это были души тех, чьи корабли разбились о коварные рифы, окружавшие остров. Они ждали спасения, которое никогда не придёт, ждали, чтобы их тела нашли и предали земле, но тела их давно стали пищей для рыб и крабов.

Сянгу, стоя на носу и помогая отцу следить за течением, невольно сделала шаг назад, наткнувшись на твёрдую спину Ши Лю, который в это время чинил порванную сеть.

— Что ты уставилась, словно привидение увидела? — буркнул он, не поднимая глаз от сложного узла. Голос его был хриплым от усталости и постоянного курения дешёвого табака.

— Там... на берегу. Их много, — прошептала она, не в силах отвести взгляд от этой жуткой толпы. — Они машут нам. Зовут.

Отец резко поднял голову, посмотрел на пустой, залитый беспощадным полуденным солнцем берег, где не было ничего, кроме чёрных скал и белой пены прибоя. Затем он медленно, пристально, пронзительно взглянул на дочь. Его лицо, обветренное и жёсткое, как дублёная в морской соли ко-

жа, стало совершенно непроницаемым, маской из камня.

— Ничего там нет, — отрезал он, и в его голосе прозвучала сталь, не оставляющая места для возражений. — Это место с дурной славой. Течения коварные, скалы близко. Рыбы здесь мало, только дурак станет здесь ловить. Вот и всё, что нужно знать.

Но в его глазах, на миг, промелькнуло нечто, заставившее Сянгу замолчать и похолодеть внутри. Не страх, как у матери, а скорее... тяжёлое, выстраданное знание. И горечь. И предостережение. Она внезапно с абсолютной ясностью поняла, что отец не просто успокаивает её. Он знает. Знает или догадывается о её даре. И это знание — тяжкий груз, который он несёт молча, как несёт ответственность за семью. Говорить об этом было нельзя. Никогда. Потому что такие вещи, будучи произнесёнными вслух, приобретают силу и привлекают внимание — и живых, и мёртвых. А внимание в их мире было всегда опасным.

Её единственным утешением, островком понимания в море молчания, был брат Цзянь, старше её на четыре года. Он был практичным, сильным, с руками, уже привыкшими к тяжёлой работе, и умом, который рвался за горизонт. Он мечтал не просто о собственной лодке, а о большом, крепком судне, способном выходить в открытое море, где рыба была крупнее и где не было назойливых сборщиков налогов. Он мечтал о том дне, когда сможет купить матери настоящие шёлковые туфли — абсурдная, сладкая, невозможная мечта,

ведь женщинам танка на берегу появляться запрещалось, а уж тем более щеголять в шёлке. Он не видел теней, но, в отличие от родителей, он верил Сянгу. Не потому что понимал, а потому что доверял ей. Для него её рассказы были странными, но очаровательными сказками, тайной, которой они делились.

Иногда по ночам, когда родители спали тяжёлым сном измождённых людей, а сквозь щели в палубе пробивался лунный свет, превращая трюм в таинственную пещеру, они шептались под одним рваным, пропахшим дымом и рыбой одеялом.

— И что он делает сегодня, этот твой призрак-рыбак? — спрашивал Цзянь, указывая подбородком в сторону кормы, где Сянгу уже несколько дней видела высокого худого мужчину в остроконечной плетёной шляпе, который вечно стоял, опершись на борт, и смотрел на свою сеть, расстилавшуюся призрачным покрывалом по воде.

— Стоит и смотрит, — так же шёпотом отвечала Сянгу. — Сеть порвана в трёх местах. Он пытается её починить, берёт призрачную иглу, но у него не получается, пальцы проходят сквозь всё. Он очень расстроен. Кажется, он даже плачет, но слёз нет.

— Скажи ему, что сеть уже сгнила и её съели черви, — практично, по-хозяйски советовал Цзянь. — Зачем ему она? Пусть идёт дальше, ищет свою семью или что там ещё.

— Он не слышит меня. Они почти никогда не слышат.

Они только... есть. Иногда они смотрят, иногда повторяют свои последние действия. А этот... он, кажется, даже не понимает, что мёртв. Он просто хочет починить сеть, чтобы завтра выйти в море и прокормить детей.

— Странно, — вздыхал Цзянь, и в его голосе звучало не детское любопытство, а почти взрослая усталость. — Ладно, хватит о грустном. Спи. Завтра на рассвете отец хочет проверить ловушки для крабов у мыса Чёрного камня. Говорят, там в этом году их много.

Мыс Чёрного камня. Сянгу невольно сжалась под одеялом. Это место знали все рыбаки в округе. Там были отличные, защищённые от сильных течения бухточки, где любили селиться крупные крабы. Но ходили туда с опаской. Место имело дурную славу. Слишком много лодок там потеряли якоря, слишком много сетей оказалось порвано о невидимые подводные камни, а два рыбака, отправившиеся туда в одиночку, так и не вернулись. Старики шептались, что мыс стережёт злой дух, морской демон, обиженный на людей. Сянгу знала, что это не просто дух. Там жила одна из «других». Большая, тёмная, похожая на спутанный клубок чёрных водорослей с множеством щупалец, но в то же время имевшая в своих очертаниях что-то уродливо-человеческое — подобие головы, нечто вроде плеч. Она ненавидела, когда лодки приближались слишком близко к её владениям, к подводной пещере у основания мыса, где, как чувствовала Сянгу, лежало что-то важное для этого существа — может,

его собственное тело, а может, сокровище с какого-то затонувшего корабля.

На следующее утро, когда их джонка, ведомая опытной рукой Ши Лю, скользила к мысу в предрассветном тумане, Сянгу почувствовала знакомый, леденящий душу холод, исходящий не от воздуха, а из самой воды. Вода вокруг, обычно зелёно-голубая, потемнела, стала цвета мокрого свинца, хотя глубина здесь была небольшой. Она стояла рядом с отцом, помогая ему сбрасывать за борт бамбуковые ловушки-корзины, и её руки дрожали.

— Папа, не здесь, — тихо, но настойчиво сказала она, глядя на воду, где уже начинала видаться смутная, колеблющаяся тень на дне. — Она злится. Она не хочет, чтобы мы здесь рыскали.

Ши Лю нахмурился, его брови, густые и седые, сдвинулись в одну сплошную линию.

— Кто злится? Опять твои выдумки? — Но в его голосе не было прежней раздражённой уверенности. Он бросил взгляд на воду, и его опытный морской глаз, возможно, отметил странную рябь, неестественную тишину вокруг лодки.

— Та, что живёт здесь. Большая и тёмная. Она считает крабов здесь своими. Она не хочет, чтобы мы их брали.

— Чушь собачья, — отмахнулся отец, но в его движениях появилась та самая неуверенность, которую Сянгу заметила у матери в тот штормовой вечер. Он стал чаще бросать взгляды на воду, словно пытался разглядеть то, что видела

его дочь, но видел лишь собственное отражение и тёмную глубину.

Цзянь, работавший на корме, встретился взглядом с Сянгу и едва заметно кивнул. Он понял. Без лишних слов он начал отчаянно болтать о чём-то постороннем, о большом косяке сардин, которого видел накануне к югу отсюда, о новой лодке, которую строят на верфи в бухте, о слухах про пиратов — о чём угодно, лишь бы отвлечь отца, сбить его с намеченного курса. Им почти удалось. Ши Лю, поколебавшись, всё же направил джонку чуть в сторону, подальше от самого зловещего места у скал. Ловушки были выставлены на более открытом, «чистом» месте, где и крабов, вероятно, было меньше.

Сянгу вздохнула с облегчением. Но её облегчение было недолгим. Когда они уже заканчивали и начинали разворачиваться, чтобы проверить другие ловушки, ветер, до того слабый, внезапно стих полностью, как по команде. Наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь тихим плеском воды о борт. И тогда течение, коварное и невидимое, подхватило их лодку и потащило прямо к подводным камням у самого основания Чёрного мыса. Ши Лю и Цзянь схватились за вёсла, их лица исказились от напряжения, но было поздно. Раздался скрежет, от которого сжалось сердце, дно джонки задрожало от удара о что-то твёрдое и острое. Лодку развернуло бортом к скалам.

И тогда Сянгу увидела ЕЁ. Тень поднялась из глубины

прямо под ними. Она была огромной, бесформенной, но в то же время цельной, сотканной из чёрного, вязкого тумана и чистой, немой ярости. Длинные щупальца-руки, похожие на спутанные водоросли, потянулись из этой массы к борту, к вёслам, к ногам отца и брата. Воздух вокруг стал ледяным, в нём застыли капли тумана, превратившись в колючую изморось. Отец и брат, конечно, ничего не видели, но они почувствовали. Цзянь вскрикнул от внезапного, необъяснимого ужаса, швырнув весло. Ши Лю побледнел, как полотно паруса, но его руки с безумной силой вцепились в весло, как в последнюю соломинку. На его лице был написан ужас человека, столкнувшегося с непостижимым, с той самой морской бесовщиной, о которой он слышал в страшных сказках у костра.

Сянгу не думала. Инстинкт и та самая странная сила, которая жила у неё внутри и только ждала выхода, сомкнулись в единый порыв. Она отшатнулась от борта, на котором уже лежала тёмная, липкая тень, словно масляное пятно, и закричала. Не крик страха. Это был крик отчаяния, протеста, смешанный с властью, о которой она и не подозревала. В этом крике было что-то от рёва самой бури, что-то от древнего, первобытного языка моря.

— УЙДИ! — закричала она, и её детский голос, тонкий и пронзительный, прозвучал неестественно громко и властно в звенящей тишине, заглушив всё. — ОНИ НЕ ТВОИ! ЭТА ЛОДКА НЕ ТВОЯ! ОТПУСТИ НАС!

Она смотрела прямо в центр тени, туда, где в клубке черноты должны были быть глаза. И произнесла слова, которые пришли ей в голову сами, слова, смысла которых она не понимала, но которые звучали как приказ, как древнее заклятие: — Твоё время прошло. Море взяло своё. Иди вслед за своим кораблём в глубину. Твоё царство — ил и тина. Не тронь живых.

Тень замерла. Казалось, сама вода, само время перестали двигаться. Даже лодка перестала дрейфовать. Потом раздался звук, которого на самом деле не было — его услышала только Сянгу. Долгий, тоскливый, нечеловеческий стон, полный такой бесконечной скорби, обиды и пустоты, что у Сянгу по щекам сами собой потекли слёзы. Это был стон существа, на миг вспомнившего, что оно когда-то было... кем-то. Или чем-то. Чёрная, пульсирующая масса дрогнула, поплыла назад, к тёмной пещере в скалах, и начала медленно растворяться в них, словно её и не было. С последним её движением ветер с новой силой ударил в парус, отталкивая лодку от камней. Течение ослабло.

Ши Лю и Цзянь, не понимая, что произошло, но чувствуя, что леденящая хватка страха ослабла, а лодка снова послушна, налегли на вёсла с яростью обречённых, рвущихся к жизни. Через несколько минут они были на безопасном расстоянии, на открытой воде, залитой уже поднявшимся солнцем.

На обратном пути никто не говорил ни слова. Ши Лю молчал, уставившись куда-то за горизонт, его челюсти были

сжаты так, что выступили желваки. Он не смотрел на дочь. Цзянь, тяжело дыша, украдкой бросал на сестру взгляды, полные не прежнего любопытства, а благоговейного, почти суеверного страха и изумления. Он видел, как она кричала в пустоту, и видел, как лодка вдруг освободилась. Сянгу сидела, обхватив колени, и дрожала мелкой дрожью, как в лихорадке. Она чувствовала себя опустошённой, выжатой, как выжатый лимон. В ушах стоял звон, в глазах темнело. Но где-то глубоко внутри, под слоями усталости и страха, шевелилось странное, новое, пугающее чувство. Сила. Она смогла на них повлиять. Не просто видеть, а оттолкнуть. У неё был дар. Или оружие.

Дома, если их убогую, покачнувшуюся от удара лодку можно было так назвать, её ждала мать. Вэй прочла всё по лицам мужа и детей — по мертвенной бледности одного, по расширенным зрачкам другого, по трясущимся рукам дочери. Она не стала расспрашивать. Она лишь подошла к Сянгу, схватила её за плечи и принялась трясти, не сильно, но с отчаянной, почти истеричной яростью.

— Что ты наделала? Что ты сказала? Кому ты говорила? — шипела она, и её дыхание пахло рыбой, страхом и безумием. — Ты хочешь нас всех погубить? Ты хочешь, чтобы они пришли за нами? Лу тин слышат такие голоса! Они цепляются за таких, как ты! Они втянут тебя в свою пучину и нас за тобой! Молчи! Молчи, молчи, молчи!

— Вэй, хватит, — хрипло, но твёрдо сказал Ши Лю. Он

отвёл жену в сторону, в самую дальнюю часть каюты. Они прошептались несколько минут, и Сянгу уловила лишь обрывки: «...видела что-то...», «...как её бабка...», «...проклятие это...», «...нужно быть осторожнее...». Мать то и дело вскидывала голову, смотря на дочь полными немого ужаса глазами, словно видя в ней не ребёнка, а носителя чумы.

С того вечера атмосфера в семье изменилась окончательно и бесповоротно. Страх перед тем, что видели и чувствовали все, но о чём молчали, теперь обрёл имя и лицо. Лицо их младшей дочери. К ней стали относиться с опасливой, отстранённой осторожностью, как к хрупкому сосуду с ядом, который нельзя разбить, но и держать близко к сердцу нельзя. Её дар, её проклятие, стало негласным секретом семьи Ши, тяжким грехом, лежащим на всех. Его старались не замечать, как не замечают прокажённого на краю деревни, но его присутствие витало в воздухе, отравляя каждую трапезу, каждый тихий вечер, каждое слово. Даже Цзянь, её верный союзник, теперь смотрел на неё с некоторой опаской, хотя и пытался это скрыть.

Прошло ещё три года. Три года молчания, наблюдений и растущего одиночества среди своих же. Сянгу исполнилось десять. Она была худой, но крепкой девочкой, закалённой трудом и лишениями, с чёрными, как смоль, густыми волосами, заплетёнными в тугие, практичные косы, и большими тёмными глазами, в которых затаилась глубокая, недетская серьёзность и печаль. Она научилась жить со своими тенями,

выработала свои правила. Научилась отличать безобидных, погружённых в себя призраков от опасных, заряженных болю или злобой. Научилась иногда, очень тихо, в безлюдных местах, мысленно отвечать на их беззвучные вопросы, посылать им крохи утешения — образ спокойного моря, тёплого солнца. Она узнала, что некоторые ищут покоя, а некоторые — мести, но сами уже ничего не могут сделать, лишь навевать дурные сны и чувство тревоги на живых. Она не могла дать ни того, ни другого по-настоящему, но сам факт, что их кто-то видит и слышит, казалось, приносил некоторым облегчение. Они становились бледнее, тише, и однажды просто исчезали, растворяясь в воздухе, словно их и не было. Эти редкие моменты давали Сянгу странное, горькое удовлетворение.

Но мир живых, как оказалось, был куда суровее, безжалостнее и непредсказуемее мира теней. Призраки были постоянны, их эмоции — просты и предсказуемы. Живые же были полны противоречий, их поступки диктовались не только страхом и тоской, но и жадностью, гордостью, глупостью.

И беда, когда пришла, пришла не в образе шторма или болезни — с этим они умели бороться, это было частью жизни. Она пришла в образе чего-то более обыденного и оттого более страшного и неотвратимого. Налоги. И долги.

Ши Лю, отчаявшись получить хоть какой-то улов за два подряд неурожайных года, взял в долг у ростовщика с бере-

га, человека по имени Го. Нужны были деньги, чтобы починить джонку после очередного тайфуна, сломавшего мачту, и купить новые, крепкие сети. Он надеялся, что удача повернётся лицом. Но удача отвернулась окончательно. Рыба, как будто сговорившись, ушла из привычных мест. Говорили, её спугнули пушки португальских и британских кораблей, всё чаще появлявшихся у побережья и проводивших свои странные манёвры. Говорили, изменились течения. Говорили, это кара богов за грехи. Долг рос, как ядовитая плесень на влажном дереве, пожирая все крохи надежды.

Го, толстый, потный мужчина в дорогом шёлковом халате, от которого несло дорогими благовониями (едкий контраст с запахом лодки), стал частым и нежеланным гостем. Он даже не садился на их утлую посудину, брезгуя, а разговаривал с берега через своего слугу, тощего, молчаливого человека с пустыми глазами.

— Ши Лю, друг мой, — говорил Го сладким, сиропным голосом, в котором не было ни капли дружбы, лишь холодная усмешка. — Император требует своё. И я, как верный слуга императора и твой благодетель, требую своё. Моё терпение, хоть и безгранично, как океан, но всё же имеет берега. У тебя есть рыба? Нет. Есть деньги? Тоже нет. Что же у тебя есть такого, что могло бы заинтересовать твоего старого друга Го?

Его взгляд, маленькие, заплывшие жиром, но невероятно проницательные глазки, скользил по лодке, по жене Ши Лю,

сжавшейся в комок страха, по сыну Цзяню, который смотрел на него с немой ненавистью, и наконец останавливался на Сянгу. Он задерживался на ней дольше, чем на других. В его взгляде вспыхивал холодный, оценивающий, меркантильный интерес, как у торговца, рассматривающего недокормленного, но породистого жеребёнка.

— Девочка подрастает, — протянул он однажды, облизывая губы. — Крепкая. Чернобровая. Глаза большие, умные. У неё... необычный взгляд. В нём есть глубина. Некоторым ценителям это нравится.

Сянгу опускала глаза, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. Она не только видела самого Го. Она видела тени, окружавшие его. Их было несколько — бледные, исхудалые, измождённые фигуры мужчин и женщин. Они шептались что-то, тянулись к нему своими прозрачными руками, но не могли приблизиться, будто его окружала невидимая стена, выстроенная из жадности, жестокости и полного отсутствия совести. Он был окружён смертями, которые принёс — теми, кто не смог вернуть долг, кого он разорил, с кем жестоко расправился. Но эти тени не имели над ним никакой власти. Они были для него лишь фоном, пылью, не стоящей внимания. Это зрелище было для Сянгу почти страшнее, чем любое морское чудовище. Абсолютная, безнаказанная порочность.

Однажды вечером, после очередного унижительного визита не сборщика налогов, а его помощника, забравшего по-

следнюю серебряную монету и единственный целый глиняный кувшин для пресной воды, Ши Лю собрал семью в каюте. Его лицо в свете коптящей масляной лампы было серым, как пепел, а в глазах — пустота опустошённого колодца.

— Так больше продолжаться не может, — сказал он глухо, не глядя ни на кого, уставившись в потолок, где висели паутина и сушёная рыба. — Долг Го... он не станет ждать вечно. На следующей неделе он продаст долг судебным приставам. Они придут, конфискуют лодку. А без лодки мы — ничто. Мы — мусор. Мы умрём голодной смертью на берегу, и даже похоронить нас по-человечески будет некому. Наши тела выбросят в канаву, как падаль.

Вэй тихо, безнадёжно заплакала, прижимая к себе Ши Тао, которому уже было шесть и который плохо понимал слова отца, но чувствовал всеобщее отчаяние. Цзянь сжал кулаки так, что пальцы побелели, его юношеское, ещё не огрубевшее лицо исказила ярость бессилия, ярость загнанного в угол зверя.

— Что же нам делать, отец? — спросил он, и голос его дрогнул. — Я могу наняться на чужую лодку... могу...

— Молчи, — перебил его Ши Лю, но уже без прежней силы, а с бесконечной усталостью. — Ты — единственный мужчина после меня. Ты должен сохранить лодку. Это наше всё. Если потеряем лодку — потеряем всё. Имя, род, память. Мы станем бродягами, а бродяг на берегу бьют и гонят, как собак. Сохранить семью можно только одним путём. Жерт-

вой.

Он долго, мучительно молчал, собираясь с духом. Потом его взгляд, тяжёлый, как якорь, медленно, с нечеловеческим усилием поднялся и остановился на Сянгу. В его глазах не было ни злобы, ни ненависти к ней. Только та самая бесконечная усталость, стыд и та страшная тяжесть, которую она видела в них много лет назад у мыса Чёрного камня. Тяжесть выбора, который не выбор вовсе.

— У Го есть предложение, — прошептал он, и слова, казалось, рвали ему горло, выходя окровавленными клочьями. — Он знает людей. В городе... в порту... есть места. Для девочек. Молодых, красивых девочек. Там они могут... зарабатывать. Хорошо заработать. Он готов списать часть долга и дать нам ещё немного вперед, если... если Сянгу пойдёт туда работать. Это даст нам время. Даст шанс. Иначе... иначе конец.

В каюте повисла мёртвая, звенящая тишина, которую не нарушал даже плач Вэй — она замерла, открыв рот, словно рыба на воздухе. Все, даже маленький Ши Тао, понимали, о чём речь. Плавучие бордели. «Цветочные лодки». «Сады земных утех». Пристанище для женщин танка и самых отчаянных ханьских женщин, которым больше нигде было искать пропитание, кроме как продавая единственное, что у них осталось. Позор. Конец всему. Смерть при жизни.

— Нет! — взревел Цзянь, вскакивая так, что голова его ударилась о низкий потолок. Он не обратил на это внимания.

— Ни за что! Никогда! Я лучше сам продам себя в батраки на каторгу! Я украду у этого жирного свиньи Го! Я...

— МОЛЧИ! — рывкнул отец, и в его голосе впервые за долгое время прозвучала былая, железная сила, сила командира, принимающего страшное, но необходимое решение. — Ты — надежда семьи! Ты должен выжить и сохранить лодку! Это твой долг! Это... это единственный путь. Жертва одного ради спасения всех. Так было всегда.

Все смотрели на Сянгу. Она сидела неподвижно, скрестив ноги по-турецки, чувствуя, как пол, казалось, уходит у неё из-под ног, а мир сужается до размеры точки. Она не смотрела на отца, не смотрела на рыдающую, раздавленную мать. Она смотрела в небольшое круглое окошко-иллюминатор, за которым в сумеречном свете медленно кружили знакомые, вечные тени. Женщина со свёртком. Старый рыбак с сетью. Они были здесь, всегда здесь. Часть этого моря, часть этой жизни, часть её собственной сущности. Они были реальнее, честнее, чем эта агония живых.

И тогда, в этот момент абсолютной безысходности, к ней пришло странное, леденящее спокойствие. Озарение. Её дар, её проклятие — видеть тех, кого поглотила пучина, — было не случайностью. Не болезнью. Это была подготовка. Школа. Океан мёртвых был её истинной стихией, её тайной родиной. А мир живых, с его долгами, голодом, жадностью и жестокостью, теперь предъявлял ей счёт за существование. Он предлагал сделку, какую предлагают демоны: её тело, её

невинность, её будущее — за выживание её семьи. За отсрочку. И она, десятилетняя девочка, уже познавшая глубины отчаяния, недоступные большинству взрослых, понимала, что выбора у неё нет. Но в этом не-выборе была и своя, горькая свобода. Свобода принять неизбежное и превратить его в оружие.

Холодное, безэмоциональное спокойствие разлилось по её телу, остановив дрожь. Она медленно подняла глаза и встретила взглядом с отцом. В её взгляде не было упрёка, не было страха. Была лишь та самая глубокая, недетская серьёзность.

— Хорошо, — тихо, но очень чётко сказала она. Её голос прозвучал чужим, ровным, без тени колебаний или надрыва. — Я пойду.

Крик матери разорвал тишину, как нож ткань. Вэй бросилась к ней, обнимая, прижимая к своей тощей груди, заливая лицо дочери слезами и причитаниями о том, что нет, никогда, она лучше умрёт сама, лучше продаст себя, только не дочь... Но в её объятиях не было силы убеждения, лишь сила отчаяния. Это были объятия прощания, а не защиты.

Цзянь смотрел на сестру, и в его глазах, полных ярости и стыда, стояли слёзы. Слёзы мужчины, который не смог защитить. Он не сказал больше ни слова, лишь сжал кулаки так, что из-под ногтей выступила кровь.

Ши Лю кивнул, раз и второй, быстрыми, отрывистыми движениями, будто голова его была марионеткой на тугой

нитке. Он не мог больше ничего сказать. Слова закончились. Остался только стыд, который будет грызть его до конца дней.

А Сянгу снова отвела глаза за борт. На тени. Они будто притихли, замерли, наблюдая за этой маленькой человеческой драмой. Одна из них, та самая молодая женщина в изодранном, но когда-то нарядном платье, с лицом, ещё сохранившим следы былой красоты, медленно, очень медленно подняла прозрачную руку. Не в мольбе. Не в предостережении. Словно в прощании. Или... в приветствии. В знаке признания своей.

«Добро пожаловать, — словно говорил её беззвучный, печальный взгляд. — Добро пожаловать в наш мир. Мир тех, кого продали и забыли».

Сянгу отвернулась от окна. Она больше не смотрела на море. Она смотрела на свою семью — сломленную, отчаявшуюся, обречённую. И в её детском сердце, уже познавшем глубины горя и наделённом странной силой, начало расти новое чувство. Не страх. Не покорность судьбе. Нечто твёрдое, острое и холодное, как отточенная галька на дне, как лезвие ножа. Решимость. И гнев. Тихий, холодный гнев на этот мир, на его несправедливость, на его жадных Го и беспомощных отцов. Этот гнев был топливом. Он согревал изнутри, когда всё остальное было холодным.

Она не знала, что её ждёт впереди, на этих «цветочных лодках». Какие унижения, какая боль. Но она знала одно:

океан мёртвых, её тени, будет с ней всегда. Они — её народ, её родня по несчастью. И возможно, однажды, они станут не просто зрителями её жизни, а её оружием. Её силой. Её единственным настоящим, верным домом, где не будет долгов, унижений и торговли детьми.

Ветер с моря принёс в открытый иллюминатор знакомый запах гниющей рыбы, соли, водорослей и далёких, неведомых берегов. Начиная спадать ночь — последняя ночь девочки Ши Сянгу, которая видела тени в волнах. Последняя ночь в мире, где она была хоть и проклятой, но дочерью, сестрой. Завтра начнётся новая жизнь. Или новая смерть. В её десятилетнем, повидавшем многое сознании, разницы между этими понятиями, казалось, уже практически не было. Одно плавно перетекало в другое, как вода в море перетекает в небо на горизонте.

Глава 2. Цена за вход

Утро пришло не с рассветом, а с ползучим, влажным забвением. Серое и влажное, с моря наползал густой, молочный туман, который скрывал соседние лодки, съедал горизонт, превращая весь мир в белесое, беззвучное, липкое молоко. Казалось, сама природа, устав от вчерашней ясности и боли, пыталась укутать и скрыть то, что должно было произойти, стереть грань между водой и небом, между прошлым и будущим, между жизнью в семье и жизнью в неволе. В этом тумане не было птиц, не было ветра, только тихое, мерзкое

поглаживание холодной влаги по коже.

Сянгу проснулась не от крика чаек или привычного стука вёсел отца. Она проснулась от тихого, прерывистого, безнадежного плача матери. Звук этот был знаком с детства — так мать плакала, когда умирала её сестра, так она всхлипывала, когда отец возвращался с пустыми сетями. Но сегодня в этом плаче была новая нота — окончательности. Вэй сидела, скорчившись, у очага, где тлели последние угольки от вчерашнего ужина, и её плечи мелко, неконтролируемо дрожали, будто её била лихорадка. Она не готовила завтрак. Она просто сидела и плакала в пустоту, в пепел.

Отец уже был на ногах. Он стоял на корме, неподвижный, как каменное изваяние, глядя в белую пелену тумана. Его лицо было пустым, лишённым всякой мысли или чувства. Он не смотрел на лодки, не проверял якорь. Он молча, с этим каменным лицом, механически, почти ритуально перебирал и проверял старые снасти — лески, крючки, грузила — которые сегодня, она это знала, не понадобятся. Это был жест прощания с прежней жизнью, бессмысленное действие, чтобы не сойти с ума.

Цзянь исчез. Он растворился с первыми, бесплотными лучами солнца, которые не могли пробить туман, — ушёл, не сказав ни слова, не посмотрев ни на кого. Сянгу знала, куда. Он ушёл драться. Искать того самого Го или его людей, чтобы врезать им в оскаленную рожу, чтобы затеять драку, в которой его, скорее всего, убьют. Это была его форма протест-

ста, его мужской, бесполезный и отчаянный способ выразить ярость. Но она была ему благодарна даже за это. За то, что он не остался смотреть.

Ши Тао ещё спал, прижимаясь к теплу, оставшемуся от тела сестры, к вмятине на циновке. Его детское, невинное лицо было спокойно. Он ещё не понимал. И Сянгу молилась про себя всем морским духам, которых знала, чтобы он никогда до конца не понял, какую цену заплатили за его завтрак и его будущее.

Она встала. Движения её были медленными, точными, как у человека, идущего на эшафот. Она надела свою единственную, поношенную, но чистую одежду из грубой синей ткани — ту самую, что мать штопала прошлой зимой. Ткань была жёсткой, колючей, но своей. Вэй, заметив это, подскочила, словно её укололи. Всхлипывая, она принялась заплетать ей косы с особой, болезненной тщательностью, расчёсывая каждый волосок, разделяя пряди тонкой палочкой, вплетая в них красную шёлковую нитку — единственный намёк на украшение, который у них был, реликвию, оставшуюся от её собственной матери. Её пальцы дрожали, срывались, она проклинала их тихим шёпотом.

— Будешь слушаться старших, — шептала она, и слова путались, набегали друг на друга, тонули в слезах. — Никогда не перечь клиентам, какой бы он ни был. Глаза вниз, голос тихий. Старайся понравиться хозяйке... мадам Лань. Говорят, она... справедливая. Для таких, как мы. Не как те,

ханьские сводни, что быют за малейшую провинность. Ешь всё, что дают, даже если невкусно. Силы понадобятся. Не капризничай, не показывай, что тебе больно или противно... — Голос её сорвался, превратившись в стон. — О, дитя моё, дитя моё...

Сянгу молчала, позволяя матери совершать этот последний, бессмысленный ритуал красоты перед падением. Она смотрела сквозь щель в циновке, прикрывавшей вход в каюту, на неподвижный, белый туман. В нём тоже шевелились тени. Бледные, размытые, потерянные в этой всепоглощающей белизне. Но сегодня они не привлекали её внимания. Они были частью фона, как и всё остальное. Внутри неё была пустота. Та же ледяная, бездонная пустота, что и накануне вечером, только теперь она заполнила всё, от кончиков пальцев до макушки, вытеснив страх, горечь, обиду. Оставив лишь холодное, ясное, отстранённое наблюдение, как будто всё происходящее случалось не с ней, а с кем-то другим, за кем она следит со стороны.

*

Пришёл Го. Не сам, конечно. Для такого мелкого, хотя и трагичного дела, как передача товара, ему не нужно было пачкать свои шёлковые туфли о скользкие доски рыбацкой лодки. Он прислал двух своих людей — грубоватых, коренастых мужчин в простой, но крепкой одежде, с лицами, на которых привычка к насилию и презрение ко всему живому отпечатались, как клеймо, как шрамы от оспы. Их глаза были

пусты и внимательны одновременно. Они не разговаривали, лишь стояли, оглядывая лодку, словно оценивая, можно ли содрать с неё ещё что-то.

С ними была пожилая женщина. Сухонькая, жилистая, с лицом, напоминающим сморщенное, забытое на солнце яблоко, и пронзительными чёрными глазками-бусинками, которые ничего не упускали. Это была Ма Цуй, сводница и смотрящая от мадам Лань. От неё исходил запах камфоры и чего-то кислого. Её взгляд, быстрый, сканирующий и оценивающий, скользнул по Сянгу с ног до головы, как нож мясника скользит по туше, намечая линии разделки.

— Подойди, девочка. Не робей. Повернись.

Сянгу повиновалась, сделав шаг вперёд на зыбкой палубе. Она чувствовала, как на неё смотрят все: мать, замершая в своём углу, отец, отвернувшийся, но всем существом прислушивающийся, даже тени в тумане. Женщина обошла её кругом с практичной медлительностью. Холодные, костлявые пальцы взяли её за подбородок, повернули голову влево, вправо, заставили открыть рот, проверили зубы — белые, ровные, хорошие. Потом эти же руки с неожиданной силой сжали её тонкие бёдра, рёбра, потрогали только начинающую формироваться, плоскую как дощечка грудь. Осмотр был безразличным, клиническим, без тени смущения или жалости.

— Худовата. От недоедания. Но кость хорошая, широкая. Не сломается. Лицо... — она прищурилась. — Да, со вре-

менем будет что посмотреть. Черты правильные. Особенно глаза. В них есть... глубина. Не детская пустота. Некоторым клиентам это нравится. Создаёт иллюзию тайны. — Она отчеканивала слова, обращаясь больше к себе, делая мысленные пометки, чем к родителям. — Десять лет, говорили?

— Да, почтенная матушка, — глухо, как из трубы, отозвался Ши Лю, стоя по стойке смирно, руки по швам, глаза опущены вниз. В его позе была покорность пса, которого бьют и который уже не надеется на милость.

— Возраст подходящий. Не испорчена, научить можно. Пятнадцать лян серебром. С учётом долга Го-лаоше, который мы забираем на себя. Чистыми.

— Пятнадцать? — Голос Ши Лю сорвался, в нём прозвучала хриплая нотка протеста. — Но долг двадцать пять! И... и девочка здорова, крепка, лицом...

— Двадцать пять — твой долг, — перебила его Ма Цуй, холодно улыбнувшись и обнажив ряд жёлтых, неровных зубов. — А у нас свои расходы. Обучение, одежда, еда, крыша над головой, защита от всяких... неприятностей. Всё это стоит денег. Пятнадцать, с учётом долга, — это я щедрость проявляю, старый дурак. Или хочешь, чтобы судебные приставы пришли завтра утром? Тогда не получишь ничего, кроме побоев за неуплату и конфискации этого корыта. Выбор за тобой.

Вэй зашлась в беззвучном рыдании, зажав кулак в рот, чтобы не закричать. Ши Лю стоял, опустив голову, его мо-

гучие, когда-то гордые плечи ссутулились, съёжились, будто под невидимым грузом. Он был похож на сломленное дерево. Он кивнул. Один раз. Медленно. Согласие, вырванное капля за каплей.

Ма Цуй, не проявляя больше интереса, вытащила из складок своего серого халата небольшую лакированную деревянную шкатулку, щёлкнула замочком. Внутри, на бархатной подкладке, лежали аккуратные стопки потёртых серебряных лянь. Она отсчитала пятнадцать штук, не торопясь, звонко кладя каждую на ладонь, а затем протянула их Ши Лю. Тот взял деньги, не глядя, сжал в своём огромном, мозолистом кулаке так, что костяшки побелели, а серебро, казалось, впилось в кожу. Пятнадцать лянь. Цена за вход в ад. Цена за её детство.

— Вещи есть? Собирай, — буркнула Ма Цуй, уже поворачиваясь к выходу.

— Нет, — прошептала Сянгу впервые за это утро. Её голос прозвучал тихо, но чётко.

Сводница обернулась, её бровь поползла вверх. — Ничего? Ни платья запасного, ни игрушки, ни амулета?

— Ничего, — повторила Сянгу. Что ей было брать? Старую тряпичную куклу, сшитую матерью из обрезков? Она и так была частью её. Всё остальное было общим — миски, одеяло, запах.

— И не надо. Там своё дадут. Всё своё, — равнодушно бросила Ма Цуй, и в этих словах был заключён весь ужас

предстоящего: своя одежда, свои правила, своя судьба. Чужая.

Один из людей Го, угрюмый детина с шрамом через бровь, похожим на след от тупого тесака, сделал шаг вперёд, его тень упала на Сянгу. Всё, пора.

Момент прощания наступил сам собой, тягучий, невыносимый, разрывающий душу на части. Вэй бросилась к дочери, обняла её с такой силой, что у той хрустнули рёбра, заливая её лицо и волосы горячими, солёными слезами, причитаниями, мольбами, словами любви и отчаяния, которые уже ничего не могли изменить. Ши Лю подошёл медленно, тяжело, как по болоту. Он положил свою тяжёлую, натруженную руку на её голову, погладил раз, другой, движения были неуклюжими, полными стыда и немой боли. Его губы шевельнулись, он что-то пытался сказать, но слова, видимо, застряли где-то в горле, превратившись в хриплый, сиплый выдох, больше похожий на стон умирающего. Он так и не смог посмотреть ей в глаза.

— Будь осторожна, сестра.

Хриплый, сдавленный голос раздался сзади. Это вернулся Цзянь. Он стоял у борта, мокрый от тумана и, видимо, от воды — его одежда липла к телу, волосы были всклокочены. На его лице, обычно открытом и дерзком, была ссадина под глазом, губа распухла. Но не это было страшно. Страшно было выражение его глаз — в них бушевала такая смесь боли, ярости, унижения и бессилия, что Сянгу едва узнала брата.

Он смотрел не на сводницу, не на людей Го, а прямо на неё.

— Я... я выкуплю тебя. Клянусь духом деда. Как только смогу. Как только заработаю, украду, найду. Я выкуплю. Запомни.

Она посмотрела на него и медленно, очень медленно кивнула. Не потому что верила в эту несбыточную, сладкую сказку. А чтобы ему, её яростному, сломленному брату, стало хоть на йоту, хоть на миг легче. Чтобы у него была хоть какая-то соломинка, за которую можно было бы цепляться в этом море горя.

— Идём. Не тяни резину, — буркнул человек со шрамом, и в его голосе прозвучало раздражение. Слёзы, прощания — всё это было для него досадной помехой в работе.

Сянгу сделала шаг. Шаг от скорчившейся матери, от отца, отвернувшегося к борту, от брата, сжимающего кулаки до крови. Шаг от запаха рыбы и дыма, от скрипа знакомых досок, от всего, что было её миром десять лет. Она ступила на узкий, шаткий, скользкий от влаги мостик, перекинутый на соседнее, более крупное и грязное судно — лодку Го. Под ногами скрипели доски, прогибаясь, туман обволакивал её, скрывая обратный путь. Она не обернулась. Не позволила себе. Она знала, что увидит: мать, падающую на колени, отца, уставившегося в пустоту, брата, смотрящего ей вслед с лицом, искажённым ненавистью ко всему миру. Она не хотела сохранять этот последний, разбивающий сердце образ в памяти. Ей для выживания нужна была пустота. Холодная,

чистая, безэмоциональная пустота.

*

Путешествие до «цветочных лодок» заняло несколько часов томительного, убаюкивающего скольжения по воде. Их везла на вёслах большая, неуклюжая лодка, крытая потрёпанным тёмным брезентом, превращавшим внутреннее пространство в подобие движущейся могилы. Внутри, кроме Сянгу, Ма Цуй и двух безликих гребцов, молчаливо работавших вёслами, находились ещё две девушки. Одна, лет четырнадцати, с опухшими, заплаканными глазами и перевязанной грязной тряпицей щекой (видимо, след родительского «уговора»), всё время тихо всхлипывала, уткнувшись лицом в колени. Другая, постарше, может, шестнадцати, с потухшим, невидящим взглядом, сидела, сгорбившись, и смотрела в щель между досками на пол, где скапливалась мутная вода. От неё пахло дешёвыми, приторными духами, перебивающими запах немытого тела, и таким густым, почти осязаемым отчаянием, что его можно было резать ножом. Она была уже не новичком. Она уже знала цену.

Сянгу сидела у самого борта, на холодной, влажной скамье, глядя, как за пределами брезента туман медленно редел, уступая место сероватой, свинцовой воде обширного залива. Они выплыли из зоны рыбацких лодок. Теперь мимо проплывали другие миры: целые плавучие посёлки на плотках, грузовые джонки под потрёпанными цинскими флагами, снующие туда-сюда лодчонки торговцев. А потом —

странное, неуклюжее, но грозное европейское судно с высокими, голыми мачтами и рядом пушечных портов на борту. «Варварский корабль», — как с ненавистью и страхом говорили рыбаки. От него исходил запах чуждости, железа и смолы.

И повсюду, как всегда, были тени. Над водой, под водой, цепляясь за борта проплывающих судов, бредущие по илистому дну на мелководье. Но сегодня они казались ей ближе, роднее, понятнее, чем живые, дышащие люди в этой лодке. Призраки были честны в своём страдании. Они не притворялись, не торговались, не продавали своих дочерей. Их боль была чистой, незамутнённой расчётом.

Наконец, они достигли места. И это было не просто место. Это был целый плавучий город порока, пришвартованный на глубокой воде в защищённой, уединённой бухте, вдали от глаз ревнивых конфуцианских чиновников и назойливой береговой стражи. Несколько десятков судов разного размера и вида были сбиты в хаотичное, но явно кем-то управляемое месиво: от небольших шаланд, служивших, видимо, кухнями или складами, до огромных, двухпалубных house-лодок, некогда бывших богатыми грузовыми судами, а теперь превращённых в плавучие дворцы. Их борта были украшены вычурной, уже облупившейся резьбой — драконами, фениксами, цветами. Краска — яркая, кричащая красная, зелёная, золотая — облезала клочьями, обнажая гнилое дерево, но в полумгле и при свете фонарей это создавало иллюзию рос-

коши.

Иллюзию. Это было ключевое слово. На некоторых лодках, хотя был ещё день, уже горели разноцветные бумажные фонарики, слышалась разноголосая, дисгармоничная музыка — дребезжащий звук цитр, визгливые напевы флейт, монотонный, наводящий тоску стук барабанов. Музыка не радости, а отчаяния, заглушаемого шумом.

Но главным был запах. Тяжёлый, густой, пьянящий и тошнотворный коктейль, накрывавший всю эту слободу, как одеяло: запах жареного в дешёвом масле мяса и тофу, сладковатый дым благовоний, едкий запах дешёвого табака и опиума, кислый запах пота, прогорклой спермы и рвоты, и поверх всего — этот сладковато-приторный, химический аромат дешёвых духов и пудры, от которого слегка мутило и кружилась голова. Это был запах порока. Запах отчаяния, тщательно обёрнутого в мишуру, подкрашенного и напудренного для продажи.

Их лодка, ничтожная в этом скопище греха, причалила к одной из самых больших и помпезных плавучих конструкций — трёхмачтовой джонке, которая в прошлой жизни, видимо, гордо рассекала волны под грузом чая или шёлка. Теперь она навсегда встала на прикол, превращённая в некое подобие дворца или, скорее, тюрьмы-казармы. Её борта были выкрашены в густой, кровавой красный цвет, по которому золотом были выведены витиеватые узоры — иероглифы «счастья», «долголетия» и «богатства», выглядевшие те-

перь как злая насмешка. На высокой корме гордо красовалось название, выведенное крупными иероглифами: «Лотосовый рай». Рай. Ещё одна насмешка. Лотос, рождающийся из грязи. Слишком точная метафора.

Ма Цуй грубо подтолкнула девушек к зыбкому, скрипучему трапу, перекинутому с их лодки на палубу «Рая». — Шевелись, не задерживайся!

Сянгу, цепляясь за скользкие верёвочные перила, чувствуя, как под ногами шатаются доски, поднялась наверх. Первое, что её поразило — не шум, не женщины, а чистота. После их убогой, пропахшей рыбой, заваленной сетями и утварью лодки, здесь пахло иначе. Пахло сандаловым деревом, лаком, мылом. Палуба была выскоблена до белизны, на ней не валялось ни соринки. Перила были отполированы до блеска. Это была не естественная чистота, а нарочитая, демонстративная, как маска на гниющем лице. Чистота для клиентов.

Второе — женщины. Их было много. Они заполняли палубу, сидели группами на циновках, стояли, прислонившись к мачтам, перешёптывались у борта. Молодые и не очень, от совсем девочек до зрелых женщин. Красивые и с обычными лицами. Одеты они были по-разному: некоторые щеголяли в ярких, даже кричащих шёлковых халатах с вышивкой, другие — в более простых, но чистых хлопковых одеждах. Некоторые смеялись слишком громко и неестественно, другие с пустыми, остекленевшими глазами смотрели в во-

ду, как будто надеясь найти там ответ или избавление. Третьи, с густо набелёнными, как маски, лицами и алыми, как кровь, губами, уже готовились к вечеру, примеряя дешёвые блестящие украшения, поправляя причёски. Ни одна из них не выглядела по-настоящему счастливой. Но многие выглядели... привыкшими. Смирившимися. Как рыба в садке, которая уже забыла, что такое океан.

— Не глазей, как деревенщина! — резко шикнула Ма Цуй, хлопнув Сянгу по затылку. — Иди за мной. И запомни — здесь ты ничего не видишь и ни о чём не спрашиваешь. Поняла?

Их провели внутрь, в самое нутро этого «рая». Спустились по крутой лестнице в тёмный, сырой, пропахший плесенью, ладаном и человеческим потом трюм. Он служил чем-то вроде приёмной, карантина и казармы для новеньких. Воздух здесь был спёртый, тяжёлый. Освещало помещение одна-единственная масляная лампа, чадившая чёрным дымом. Вдоль стен стояли голые деревянные нары в два яруса, в углу — сундук с замком и тлеющая в медной курильнице ароматическая палочка, которая не могла перебить основную вонь. И на одной из нижних нар, завёрнутая в грязное, влажное одеяло, лежала и стонала какая-то женщина. От неё пахло болезнью, гноем и мочой. Запах смерти, ещё тёплой.

— Вы здесь пока, — бесстрастно сказала Ма Цуй. — Не шуметь, не задавать вопросов. Вечером придёт мадам Лань, осмотрит и решит, что с вами делать. А сейчас... — она

хлопнула в ладоши, и в дверь, скрипнув, вошла худая, угрюмая, немолодая служанка с оловянным тазом и огромным деревянным гребнем с длинной ручкой. — Помыться. Вшей и грязь вывести. Платье, в чём пришли, — в печь. Тут своё носят.

Процедура «очищения» была быстрой, грубой и унижительной до слёз. Их заставили раздеться догола прямо в этом холодном, сыром помещении, при свете одной лампы и в присутствии стонущей женщины. Стыд, привитый с детства, вспыхнул в Сянгу жарким огнём, но она подавила его, стиснув зубы. Плакса с перевязанной щекой снова залилась слезами, прикрываясь руками. Старшая девушка раздевалась с привычной, циничной покорностью, будто это было обычное дело.

Их облили ледяной забортной водой, в которую был подмешан какой-то едкий, вонючий щёлок, от которого щипало кожу, глаза и оставляло на теле красные пятна. Потом служанка, не церемонясь, принялась грубо вычёсывать их гребнем, выдёргивая колтуны, сдирая вшей и гнид. Больно было, но Сянгу молча терпела, глядя в одну точку на стене, где в потолочной балке, в тени, сидела тень — маленькая, сгорбленная старушка в лохмотьях. Она качала головой из стороны в сторону и плакала беззвучными, прозрачными, как стекло, слезами, которые исчезали, не долетев до пола. Эта тень, казалось, видела всё это уже тысячу раз и всё равно плакала.

Потом им выдали одежду: простые, грубые, но чистые хлопковые штаны и длинную куртку без единого украшения, серого, унылого, мышинного цвета. Одежда пахла щёлоком и было на несколько размеров велика, болталась на Сянгу, как на вешалке. И вместе с одеждой — по миске жидкой рисовой каши с одним-единственным кусочком солёной, жёсткой редьки на дне. Есть хотелось дико, желудок сводило спазмами после долгого перерыва, но каша, пресная и безвкусная, стояла в горле комом. Она заставила себя проглотить каждую ложку. Силы понадобятся.

*

Вечером, как и обещали, пришла мадам Лань. Шагов за дверью не было слышно, но дверь открылась, и в помещение вошла она. И Сянгу, которая готовилась увидеть что-то вроде Ма Цуй, только жирнее и злее, испытала лёгкий шок.

Мадам Лань была не такой. Она была высокой, стройной, держалась с невозмутимым, ледяным достоинством. Ей было лет сорок пять, но выглядела она моложе — лицо аристократической белизны и правильности, без морщин, кроме лёгких следов у рта и глаз. Ни намёка на румянец, ни капли косметики. Её черные волосы были убраны в сложную, идеальную, гладкую как шёлк причёску, украшенную единственной, но безупречной нефритовой шпилькой в виде стебля бамбука. Она была одета в дорогой, но не кричащий шёлковый халат тёмно-синего, почти чёрного цвета, без вышивки, подпоясанный простым, но качественным шёлко-

вым шнуром. Она несла с собой ауру неоспоримой, спокойной власти, власти, которая не нуждается в крике или угрозах. В её тонких, ухоженных, белых руках с длинными пальцами была длинная бамбуковая трубка с серебряным мундштуком, из которой она иногда, не спеша, затягивалась, выпуская струйку ароматного дыма. Запах был дорогим, тонким, не похожим на ту вонь, что царила вокруг.

Ма Цуй, увидев её, сразу преобразилась — выпрямилась, сложила руки, лицо её стало подобострастно-внимательным. Она быстро выстроила трёх девушек в ряд, как солдат на смотре. Мадам Лань медленно обошла их, не говоря ни слова. Её взгляд был подобен лучу холодного, безжалостного света, выхватывающему всё из полумрака. Он не был похож на оценивающий взгляд Ма Цуй. Он был глубже. Он выискивал не только изъяны тела, но и изъяны духа, оценивал не только стоимость плоти, но и потенциал ума, взвешивал не только цену сейчас, но и возможную прибыль в будущем.

Она остановилась сначала перед плаксой. Посмотрела на перевязанную щёку, на опухшие глаза.

— Эту, — сказала она тихо, голос у неё был низким, бархатным, без эмоций. — В общую залу. Простые матросы, портовые грузчики, те, у кого мало денег и много грубости. Цена минимальная. Научишь самым основам. Как не кусаться и не плакать. Если не научится — выбросить.

Потом её взгляд перешёл на старшую девушку. Она пристально посмотрела ей в лицо, заметила следы оспины на лбу

и щеке.

— Эта уже не свежа. Использована. Следы болезни. Никакой ценности как товар. В подсобные работы. Мыть полы, стирать, помогать на кухне. Если будет пытаться улизнуть или воровать — высечь публично, для примера, и продать на органы контрабандистам.

Наконец, её глаза, тёмные и непостижимые, как ночное море, остановились на Сянгу. Она подошла ближе, чем к другим. Заставила её поднять голову, посмотреть на себя. Их взгляды встретились. И тут произошло нечто странное, что заметила даже отупевшая от страха Сянгу. Ледяная, совершенная маска мадам Лань дрогнула. Совсем чуть-чуть. В её глазах, на миг, мелькнуло не удивление, не презрение, а скорее... острая, мгновенная оценка. Узнавание чего-то знакомого? Или понимание иного порядка, не связанного с торговлей телом.

— Сколько лет? — спросила она. Голос стал чуть тише.

— Десять, госпожа, — тихо, но чётко ответила Сянгу, не опуская глаз.

— Откуда?

— Семья Ши. Рыбаки. Даньцзя.

— Умеешь читать? Петь? Играть на чём-нибудь? Танцевать?

— Нет.

— Что же ты умеешь? — Вопрос прозвучал не как насмешка, а с искренним, холодным любопытством.

И тут Сянгу, ещё не успев подумать, сдержаться, сказала то, чего, возможно, не следовало. Но что-то в этой женщине, в её безжалостной, отточенной ясности, подсказывало, что ложь будет немедленно распознана и наказана. А правда... правда может быть интересна.

— Видеть, — сорвалось с её губ.

Мадам Лань приподняла тонкую, идеально очерченную бровь. Дым из трубки повис в воздухе неподвижным колечком.

— Видеть? Что именно видеть, девочка?

Сянгу замерла. Перейти эту грань? Сказать всё? Но отступить было поздно. Она выдохнула, собирая все остатки смелости.

— То, что другие не видят. То, что скрыто.

Наступила пауза. В трюме было слышно, как стонет больная женщина и как чадит лампа. Ма Цуй с нескрываемым недоумением смотрела то на хозяйку, то на эту странную девочку, которая несла какую-то чушь. Мадам Лань медленно, задумчиво выпустила струйку дыма.

— Интересно, — произнесла она наконец. Слово повисло в воздухе, как приговор, но какой — хороший или плохой, было непонятно. — Оставь её здесь, Ма. Не в общую залу. Я подумаю. Завтра начнётся обучение. Основам. И... гигиене. Особое внимание гигиене.

Она развернулась и вышла так же бесшумно, как и вошла, оставив за собой шлейф дорогого дыма и лёгкого, неулови-

мого аромата, который казался здесь, в этой вони, чудом. И ощущение, что в комнате стало немного просторнее, когда она её покинула.

— Ну, тебе повезло, щенок, — проворчала Ма Цуй, но в её голосе, сквозь привычную брюзгливость, прозвучала нотка неподдельного уважения, смешанного с завистью. — Мадам обратила на тебя внимание. С первого взгляда. Такое бывает редко. Не опозорь её доверие. А теперь — спать. Завтра вставать рано, солнце ещё не взойдёт. И не шуметь.

Ночь в трюме «Лotosового рая» стала самой долгой и страшной ночью в жизни Сянгу. Не из-за неудобств — спать на голых досках она была привычна. И не из-за темноты. Из-за звуков. Они просачивались сверху, сквозь толстые доски палубы, наполняя трюм гулом, похожим на отдалённое землетрясение. Это был звук «Рая» во всей его «красе»: пьяный, истеричный смех, визгливое, фальшивое пение под аккомпанемент цитр, громкая, нестройная музыка, топот множества ног, ссоры, звон разбиваемой посуды, чьи-то громкие, хвастливые речи. А иногда, в редкие моменты затишья, прорывались другие звуки — приглушённые, давящие стоны, короткие, отрывистые крики, которые тут же глушились, словно рот кому-то зажимали рукой, или звук удара, глухой, как удар по мешку с песком. Воздух в трюме был густым, спёртым, смердящим потом, болезнью и отчаянием той самой женщины на нарах, которая то и дело бредила во сне, зовя кого-то по имени: «Фэн... милая... прости... прости ме-

ня...»

И тени. Боги, тени! Их здесь было невероятно много. Больше, чем она видела где-либо, даже на «Мельнице душ». Плотность призраков в этом месте зашкаливала, они буквально висели в воздухе, как густой туман. Они вились в углах, сидели на пустых нарах, стояли у запертой двери, качались под потолком, будто повешенные. Молодые девушки с переломанными шеями и синяками на лицах. Женщины постарше с пустыми глазами и разрезанными запястьями, из которых сочилась вечная, призрачная кровь. Даже мужчины — клиенты, умершие здесь от апоплексического удара, отравления плохим алкоголем или зарезанные в драке. Это был настоящий, многослойный подводный ад, только без воды. Они, казалось, не обращали на живых особого внимания, живя в своём замкнутом, бесконечно повторяющемся круге страданий, воспроизводя моменты своей гибели снова и снова. Но одна тень, та самая старушка с балки, иногда спускалась вниз и садилась на пол рядом с нарой Сянгу, просто глядя на неё своими печальными, бездонными, всё понимающими глазами. В этом взгляде не было угрозы. Было... сочувствие. И ожидание.

Сянгу не могла уснуть. Она лежала на жёстких досках, уставившись в потолок, где копошились тени, и слушала. Слушала стон больной женщины. Фэн. Так её звали. Это имя она узнала из бреда. «Фэн... милая... я не хотела... прости...» — шептала та в жару. Этот шёпот, полный боли и

раскаяния, вплетался в общий гул страдания, становился его частью.

Под утро, когда шум сверху наконец стих, сменившись тяжёлой, пьяной тишиной, стоны Фэн стали тише, прерывистее, хриплее. Дыхание её стало булькающим, захлёбывающимся, как у рыбы на берегу. Сянгу тихо поднялась с нар и босиком подошла к ней. В слабом, сизом свете зари, пробивающейся сквозь щели в обшивке, она увидела, что лицо Фэн стало землисто-серым, почти зелёным. На её синих, потрескавшихся губах выступила розовая пена. Женщина умирала. И она была одна. Совсем одна. В этом месте, полном людей, в этом «раю», не нашлось ни одной души, которая бы села с ней в последний миг, подержала бы за руку, сказала бы доброе слово.

И тут в Сянгу, сквозь её ледяную пустоту, прорвалось не просто сочувствие или печаль. Прорвалась невыносимая, кричащая, яростная несправедливость. Эта женщина, чьё имя она даже не знала полностью, чью историю не ведала, прожила здесь, в этом аду, всю свою жизнь, отдавая своё тело на поругание, и теперь умирала на грязных, вонючих нарах, как падшее животное, и никому до этого не было дела! Никто не придёт. Никто не зажжёт для неё свечу, не прочтёт молитву. Её тело, вероятно, просто завернут в ту самую грязную циновку и под покровом ночи сбросят в воду у дальнего рифа, чтобы не портить репутацию заведения и не навлекать лишних вопросов. Её жизнь ничего не стоила. Её смерть —

тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.